

Безмолвный дом

Глава I ЖИЛЕЦ БЕЗМОЛВНОГО ДОМА

Люциан Дензил, не слишком успешный адвокат, предпочел настолько пренебречь традициями братства судейских мантий, что поселился вдали от Темпла¹. Руководствуясь причинами, не имеющими отношения к экономии, он снял меблированные комнаты на Женева-сквер в Пимлико²; профессиональная же деятельность требовала от него каждодневного присутствия с десяти до четырех в гостинице «Сарджентс-Инн», где он делил контору с коллегой, столь же нуждающимся и не имеющим постоянной практики.

Подобное положение дел едва ли можно назвать завидным, но Люциана в силу молодости и определенной независимости благодаря целым тремстам фунтам в год оно вполне устраивало. Поскольку от роду ему было всего двадцать пять лет, он полагал, что впереди еще масса времени, дабы преуспеть в своем ремесле; в ожидании же блестящего будущего он развивал собственный поэтический гений, подкармли-

---

¹ Исторический район Лондона, получивший название от средневекового ордена тамплиеров, которому принадлежал этот участок до XIV века. В настоящее время там находятся здания адвокатских сообществ и Королевский суд. *(Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)*

² Один из самых дорогих районов в центре Лондона.

вая его жидкой овсяной кашей, как это принято у людей подобного склада. Словом, в жизни бывают обстоятельства и куда менее благоприятные.

Женева-сквер представляла собой островок спокойствия среди шумной городской жизни, которая бурлила вокруг, не тревожа сонное царство внутри. Одна-единственная длинная узкая улочка вела от оживленной магистрали на четырехугольную площадь, окруженную высокими серыми зданиями, занятыми владельцами меблированных комнат, городскими клерками да двумя или тремя художниками, олицетворявшими собой местную богему. В самом центре раскинулся оазис в виде зеленой лужайки, расчерченной посыпанными желтым гравием дорожками и окруженной ржавой оградой в человеческий рост и вязами почтенного возраста.

Дома вокруг радовали глаз роскошными фасадами, безупречно чистыми ступеньками, окнами с белыми занавесками и аккуратными цветами в горшках. Оконные стекла сверкали чистотой, желтые дверные ручки и таблички благородно поблескивали, и на всей площади не сыскать было ни палки, ни соломинки, ни смятой бумажки, кои своим присутствием осквернили бы окружающее благолепие.

За единственным исключением, Женева-сквер являла собой образчик того, чего только можно было пожелать в смысле чистоты и порядка. Пожалуй, столь тихую гавань можно отыскать лишь в сонных провинциальных городках, но никак не в таком грязном, дымном и беспокойном мегаполисе, как Лондон.

Из общей картины безупречной чистоты выбивался лишь номер тринадцатый, дом напротив входа на площадь. Окна его были покрыты пылью, на них не было ни жалюзи, ни занавесок, на карнизах не стояли горшки с цветами, ступеньки были

давно не белены, а железные перила с облупившейся краской покрыты ржавчиной. Мусор сам по себе собирался подле него, а растрескавшийся тротуар вокруг позеленел от плесени. По-прошайки, изредка случайно забредавшие на площадь и одним своим видом наводившие ужас на местных жителей, останавливались на его ступенях; входная дверь, ободранная и грязная, одним своим видом вызвала праведное возмущение.

Тем не менее, несмотря на обветшалый вид и дурную славу, те, кто обитал на Женева-сквер, не согласились бы ни за какие деньги подновить дом и заселить жильцами. Они говорили о доме исключительно шепотом, с дрожью в голосе, бросая на него испуганные взгляды, — по всеобщему мнению, в доме номер тринадцать жили привидения, поэтому он пустовал вот уже два десятка лет. Подобные слухи, отсутствие жильцов и мрачный внешний вид стали причиной того, что он стал местной достопримечательностью под названием Безмолвный Дом. В одной из его пустых пыльных комнат много лет тому было совершено убийство, и с тех пор жертва, как говорили, неприкаянно бродила по особняку. Кое-кто уверял, что видел, как в окнах его вспыхивали огоньки, раздавались приглушенные стоны, а иногда даже появлялся призрак пожилой дамы в атласном платье и туфлях на высоких каблуках. Словом, Безмолвный Дом был окутан легендами.

Сколько в них было правды, сказать нельзя, зато известно наверняка: невзирая на низкую арендную плату, никто не решался снять дом номер тринадцать. Он превратился в местную достопримечательность. И вдруг летом девяносто пятого года в нем появился жилец. Мистер Марк Бервин, джентльмен средних лет, возникший словно из ниоткуда, снял дом номер тринадцать и начал вести странный и одинокий образ жизни.

Среди местных жителей пошли было разговоры, что новый постоялец, столкнувшись с призраком, не продержится в доме и недели, но когда неделя превратилась в шесть месяцев, а мистер Бервин по-прежнему не проявлял желаний съехать, они забыли о призраке и принялись обсуждать его самого. В результате через некоторое время о вновь прибывшем и его странных привычках пошли сплетни.

Люциану их регулярно передавала его хозяйка: о том, что мистер Бервин живет в Безмолвном Доме в полном одиночестве, без слуги или компаньона; о том, что он ни с кем не разговаривает и никого к себе не впускает; о том, что у него, судя по всему, денег куры не клюют, потому как он частенько возвращается домой навеселе; и о том, как миссис Кебби, глуховатая служанка, убиравшаяся в комнатах мистера Бервина, наотрез отказалась ночевать в доме, поскольку полагала, что с ее нанимателем что-то не так.

Дензил пропускал сплетни мимо ушей, пока судьба не свела его вдруг с этим странным господином. Встреча получилась крайне необычная.

Как-то туманным ноябрьским вечером Люциан, возвращаясь домой из театра в начале двенадцатого, отпустил фиакр у въезда на площадь и шагнул в туман. Он был настолько густой, что даже в свете газового фонаря ничего не было видно, и Люциан медленно, на ощупь, побрел вперед, дрожа от холода, не смотря на надетое поверх вечернего костюма меховое пальто.

Он с величайшей осторожностью пробирался вперед, мечтая об огне в камине и ужине, ожидающем его дома, но вдруг остановился как вкопанный, услышав глубокий сочный бас, раздавшийся едва ли не из-под самых его ног. В довершение ко всему, Люциан был поражен, услышав хорошо знакомые слова Шекспира.

— О! — хрипло пророкотал невидимый бас. — О боже, и как это люди берут себе в рот врага, чтобы он похищал у них разум!¹ — Вслед за этим из темноты послышалось рыдание.

— Господи помилуй! — вскричал Люциан, нервы которого были на пределе, и попятился. — Кто здесь? Кто вы такой?

— Заблудшая душа, — был ответ, — которую Господь не намерен спасти или миловать! — За сим вновь раздалось рыдания.

От плача невидимого в темноте создания у Дензила кровь застыла в жилах. Пройдя немного, он наткнулся на мужчину, который привалился спиной к ограждению, скрестив на груди руки и уронив голову на грудь. Он не пошевелился, когда Люциан тронул его за плечо, а, по-прежнему понурив голову, продолжал стонать и всхлипывать в приступе жалости к самому себе.

— Эй! — сказал молодой адвокат, трясая незнакомца за плечо. — Что с вами приключилось?

— Пьянство! — запинаясь, пробормотал мужчина, внезапно поворачиваясь к нему и бия себя в грудь. — Я — наглядный пример для трезвенников; предупреждение алкоголикам; современный илот, вызывающий у молодежи отвращение своими пороками, коего следует стыдиться.

— Вам лучше отправиться домой, сэр, — предложил Люциан.

— Я не могу найти свой дом. Он где-то рядом, но где именно, я не знаю.

— Вы находитесь на Женева-сквер, — сказал Дензил, пытаясь донести это до сознания одурманенного человека.

---

¹ У. Шекспир, «Отелло», акт II, сцена 3. Пер. М. Л. Лозинского. (Примеч. пер.)